

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.140-148

Е. А. Шаталов

Сибирский государственный университет геосистем и технологий
г. Новосибирск, Российская Федерация

Организационные и правовые аспекты деятельности органов ВЧК на местах в контексте новых архивных документов: теоретические и историко-юридические вопросы

Резюме. В статье представлены результаты исследования некоторых фондов архивных документов, имеющих разную ценность и значимость для изучения отдельных направлений деятельности органов ВЧК на местах. Впервые вводимые в научный оборот архивные материалы демонстрируют те направления деятельности органов ВЧК, которые еще недостаточно освещаются наукой, в частности: внесудебную практику, нормотворчество в сфере уголовного, уголовно-процессуального права, решение оперативно-служебных задач, осуществление карательных мер, взаимодействие их с другими советскими органами власти и учреждениями на местах, раскрывая при этом и некоторые важные организационно-правовые особенности, проблемы становления, функционирования государственного механизма большевистской России в условиях военного времени. Классификация, анализ архивных документов, характеризующих отдельные направления деятельности органов ВЧК на местах, позволяют глубже понять природу и научную ценность соответствующих материалов и, таким образом, выработать методы работы с ними для более эффективной организации исследований в этой области.

Ключевые слова: органы ВЧК; ВЧК; Всероссийская ЧК; местные органы; архив; архивные документы; история права; история государства и права России; правоохранительные органы

Для цитирования: Шаталов Е. А. Организационные и правовые аспекты деятельности органов ВЧК на местах в контексте новых архивных документов: теоретические и историко-юридические вопросы. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 7. С. 140–148. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.140-148

Organizational and Legal Aspects of the Activities of the Cheka Bodies at the Local Level in the Context of New Archival Documents: Theoretical and Historical Legal Issues

Evgeny A. Shatalov

Siberian State University of Geosystems and Technologies
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The paper presents the results of a study of some collections of archival documents that have different values and significance for studying certain areas of activity of the Cheka bodies at the local level. For the first time, archival materials introduced into scientific circulation demonstrate those areas of activity of the Cheka bodies that are still insufficiently covered by science. These, in particular, include extrajudicial practice, rulemaking in the field of criminal, criminal procedure law, solving operational and official tasks, implementing punitive measures, their interaction with other Soviet authorities and institutions locally. At the same time, they reveal some important organizational and legal features, problems of the formation and functioning of the state mechanism of Bolshevik Russia in wartime conditions. The classification and analysis of archival documents characterizing certain areas of activity of the Cheka bodies at the local level provide a deeper understanding of the nature and scientific value of the materials, and, accordingly, make it possible to develop methods of working with them for more effective organization of research in this area.

© Шаталов Е. А., 2024

Keywords: Cheka bodies; Cheka; All-Russian Cheka; local authorities; archive; archival documents; history of law; history of the state and law of Russia; law enforcement agencies

Cite as: Shatalov EA. Organizational and Legal Aspects of the Activities of the Cheka Bodies at the Local Level in the Context of New Archival Documents: Theoretical and Historical Legal Issues. *Lex Russica*. 2024;77(7):140-148. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.140-148

Под чрезвычайными комиссиями в данной статье следует понимать карательные государственно-партийные губернские и уездные органы советской власти, наделенные оперативно-розыскными, следственными, внесудебными, уголовно-исполнительными полномочиями с целью противодействия наиболее общественно опасным антиреволюционным правонарушениям.

Научный интерес к историческому государствоведению, судя по наличествующей историографии, сегодня сохраняет свой животрепещущий характер и относительную стабильность. В общем и целом пристальное внимание исследователей в этом контексте обращено именно к опыту становления и развития карательных органов. Во-первых, это направление представляет теоретический и практический интерес, поскольку дает возможность правильно определить место и значение органов безопасности в механизме государства¹. Во-вторых, подобные труды имеют гносеологическое значение, поскольку аккумулируемые новые эмпирические данные обогащают и восполняют пробелы, «белые пятна» в вопросах познания истории государства и права, где, как известно, одной из задач данной науки является ретроспективный анализ развития и функционирования институтов публичной власти.

Здесь следует отметить еще одну положительную тенденцию активности исследователей: в научный оборот все больше вводятся многочисленные архивные материалы, которые являются, по словам профессора О. И. Чистякова, «альфой и омегой» в вопросе диалектического осмысления значимых событий, общественных явлений прошлого. Ученый писал, что именно архивные материалы позволяют познать строительство и деятельность государства и развития права во всей сложности². Также очень важно, что с введением в оборот архивных документов существенно расширяется и источниковедческая база обсуждаемой

науки. Но при всех положительных моментах следует указать и на вытекающую отсюда проблему всестороннего осмысления, установления природы этих документов, например проверки на предмет их подлинности, объективности излагаемых в них фактов и их научной ценности, условий разработки, процедуры принятия, объема исполнения, юридических последствий вступления их в силу, взаимосвязи с другими актами, правомочности должностных лиц, причастных к их принятию, и многие другие важнейшие сопутствующие вопросы, которые должны быть подвергнуты критическому анализу, экспертизе давности, поскольку от их решения во многом зависит объективность результатов исследовательской работы. Ведь задача историка-правоведа, на наш взгляд, заключается не только в реконструкции юридически значимых событий той или иной исторической эпохи, но и в оценке самой природы исследуемых материалов, выработке методологии работы с ними. Сегодня это направление историко-юридических исследований вряд ли можно назвать в достаточной мере развитым.

Документы периода гражданской войны должны максимально тщательно подвергаться в том числе лингвистической, почерковедческой экспертизе, поскольку нужно понимать, что в период боевых действий неэвакуированные архивы довольно часто подвергались захвату какой-либо стороной вооруженного конфликта. В ходе идеологической борьбы между воюющими сторонами документы могли использоваться для обвинения друг друга перед лицом общественности во всевозможных преступлениях и чрезвычайной жестокости, сведения в них потенциально могли подвергаться искажению или в целом иметь ложный характер.

Проведение подобной кропотливой работы необходимо и потому, что изучение ведомственных документов о деятельности ВЧК и ее органов дает уникальную, а порой и единственную возможность проанализировать насущные

¹ Мильштейн Н. Я. Правовое регулирование деятельности органов госбезопасности Узбекистана (1921–1932 гг.). Ташкент, 1974. С. 3–4.

² Чистяков О. И. Проблемы истории государства, права и политических учений : сборник статей. М., 1974. С. 34–35.

проблемы их становления, функционирования в различных исторических реалиях.

Пристальный интерес к ВЧК наблюдался еще со стороны представителей советской науки, поскольку ее органы являлись значимыми чрезвычайными инструментами власти в период укрепления пролетарской диктатуры, на которые в основном и были возложены функции по обеспечению ее безопасности, пресечению антисоветской деятельности, охране общественного порядка и многие другие виды задач, еще не в полной мере раскрытые наукой³.

Для изучения вопросов их деятельности в советский период было подготовлено и опубликовано значительное количество сборников архивных документов, на которые и ныне ссылаются современные исследователи⁴. Однако следует заметить, что эти документы главным образом раскрывают некоторые особенности деятельности центрального аппарата ВЧК и реже ее местных органов. По идеологическим соображениям такие сборники выборочно пополняли только те документы, которые характеризовали их деятельность исключительно в выгодном для советской политической элиты свете.

Из поля зрения науки долгое время выпадали многие другие документы, свидетельствующие о деятельности многочисленных местных органов ВЧК, которые в период гражданской войны, конкретнее со второй половины 1918 г. по февраль 1922 г., стали ключевыми субъектами в сфере реализации карательных функций от имени советской власти, деятельность которых имела и свою специфику, даже отличительные особенности на территории некоторых губерний РСФСР.

Рассекреченные архивные документы органов ВЧК дают возможность подвергнуть анализу вопросы становления и функционирования судебно-следственных, розыскных органов советской власти в целом, с которыми они довольно тесно взаимодействовали, вели служебную переписку по различным юридическим вопросам. Так, в некоторых ведомственных материалах хранятся рапорты, донесения уполномоченных ЧК о деятельности рабоче-

крестьянской милиции, указывающие на различного рода недостатки, проступки в ходе их оперативно-служебной работы. Показательным в этом отношении является раздел сводки Красноярской губчека за апрель 1920 г., в котором зафиксированы многочисленные правонарушения со стороны не рядового, а руководящего состава сотрудников милиции участка № 2 Ачинского уезда. Начальник и его помощник производили незаконную реквизицию имущества без согласования своих действий с волостным ревкомом, находились на службе в состоянии алкогольного опьянения, похищали имущество местного населения⁵.

В свою очередь, в ведомственных материалах советской милиции также можно обнаружить порой краткие, но содержательные донесения, поступавшие на имя начальников губернских и уездных отделов милиции от оперативных сотрудников, чаще от их участковых органов, свидетельствующие о нарушениях нравственных и моральных норм государственной службы, злоупотреблении должностными полномочиями и прочих многочисленных правонарушениях, время от времени совершаемых чекистами при исполнении служебных обязанностей. Так, в рапорте начальника 10-го района минусинской милиции от 01.08.1920, представленном на имя начальника милиции уезда, сообщалось о том, что агент Енисейской губчека с двумя солдатами производят «повальные» обыски, не приглашая при этом понятых, протоколов не составляют, их копии не выдают, в том числе производят конфискацию имущества⁶.

Без всякого сомнения, подобный материал дает уникальную возможность изучения в первую очередь уровня правосознания, правового нигилизма и иных аспектов социальной деформации в среде сотрудников советских органов власти, осознать последствия провозглашения революционного правосознания в качестве основного источника права.

Изучение документальных фондов о деятельности органов ЧК позволяет идентифицировать вектор, тенденции, принципы уголовной, уголовно-исполнительной политики советской власти на тех территориях, которые в большей

³ См.: Шаталов Е. А. Организационно-правовые основы деятельности чрезвычайных комиссий в Восточной Сибири (1920 — февраль 1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 12–13.

⁴ См.: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. : сборник документов / под ред. Н. М. Полякова. М., 1958 ; В. И. Ленин и ВЧК : сборник документов. М., 1987.

⁵ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 79.

⁶ Государственный архив Минусинска Красноярского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 90. Л. 4.

степени были охвачены гражданской войной. Сложность поиска, обработки подобных материалов обусловлена тем, что документы о деятельности ЧК, как правило, рассредоточены по фондам иных органов советской власти, где они хранятся без какой-либо тематической систематизации и привязки к хронологии событий истории, что порой существенно затрудняет решение исследовательских задач. По нашим наблюдениям, наибольшее количество этих материалов хранится в фондах местных революционных, исполнительных комитетов, губернских и уездных отделов рабоче-крестьянской милиции, карательных подотделов, тюрем, концентрационных лагерей и других советских органов, учреждений.

Наиболее информативными материалами для данного исследования явились рассекреченные в начале 1990-х гг. документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Красноярского края № 53 «Красноярский губернский революционный комитет», № 448 «Красноярский губернский революционный трибунал», № 1874 «Минусинская уездная ЧК», в фондах Архива города Минусинска Красноярского края № 8 «Минусинская уездная рабоче-крестьянская милиция» и № 25 «Минусинский уездный исполком», в фонде Архивного отдела города Ачинска Красноярского края № 53 «Ачинская уездная рабоче-крестьянская милиция».

В научный оборот также вводятся материалы Государственного архива Иркутской области. В фонде № 868 «Иркутская губчека» на хранении находятся некоторые нормативные документы губернской комиссии, Особого отдела ВЧК 5-й РККА и Восточно-Сибирского военного округа. Значимыми для данного исследования также стали приказы и служебная переписка Уполномоченного Иркутской губчека по Якутскому району и Якутской губчека, представленные в фонде № 216 «Управление якутской уездной и окружной милиции» Национального архива Республики Саха (Якутия). Помимо материалов государственных архивов, источниковедческой базой послужили документы и ведомственных архивов. В фонде № 7 «Следственные материалы Красноярской губчека» Архива Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю хранятся уголовные дела, возбужденные по обвинению в контрреволюционных, долж-

ностных преступлениях, спекуляции и бандитизме, представляющие особую значимость для изучения специфики правоприменительной деятельности органов ВЧК на местах.

Для более глубокого осмысления ценности, оптимизации научно-исследовательской работы в области изучения отдельных направлений деятельности органов ВЧК и ее специфики на местах документы, имеющие важное историко-юридическое значение в этом отношении, можно подвергнуть классификации по некоторым основаниям.

Весь массив архивных документов можно разделить на две группы: внешние и внутренние. К **внешним** относились нормативные документы, служебная переписка, поступавшие из различных центральных органов советской власти, в том числе аппарата ВЧК и НКВД. Это декреты, приказы, инструкции, многочисленные циркулярные письма, определявшие общий порядок функционирования их местных органов, в том числе решение кадровых задач, организационную структуру отделов, их компетенцию и иные основы правового положения.

К их числу также относились нормативные акты, издаваемые местными советами и их исполкомами, революционными комитетами, командующими военными округами. Большая часть документов содержит официальную государственную символику Советской Республики, входящие и исходящие номера; подписаны они ответственными лицами, что не дает возможности усомниться в их подлинности или в том, что они принимались формально. Такие документы имели юридическую силу и подлежали оперативному исполнению, о чем в них имеются соответствующие указания.

Главным образом означенные акты регулировали отдельные направления карательной деятельности органов ЧК. Примечательной в этом отношении является краткая инструкция по борьбе с бандитизмом в Восточно-Сибирском военном округе от 20.09.1921, разосланная председателям Иркутской, Енисейской, Якутской губернских ЧК для исполнения⁷. Данным актом указанные органы наделялись правом использовать репрессивные методы борьбы с преступностью периода политики «красного террора» 1918 г.: арест заложников, конфискацию имущества, внесудебное применение смертной казни, тогда как по общему

⁷ Архив города Минусинска Красноярского края. Ф. 25. Оп. 1. Д. 153. Л. 2.

правилу декретами советской власти это было запрещено еще в 1919 г.⁸ В том же году уездные органы ЧК подлежали упразднению на всей территории РСФСР; вместо них при уездной милиции учреждались политические бюро для расследования контрреволюционных преступлений. Как видно из документов, на территории Сибири уездные органы ЧК продолжали осуществлять свою деятельность и в 1920 г., массово применять различные карательные меры во внесудебном порядке⁹.

На применении смертной казни органами ЧК вопреки нормам советских декретов, по законам военного времени настаивали руководители местных партийных комитетов. В Государственном архиве новейшей истории Иркутской области на хранении находится показательное в этом отношении извлечение из постановления губернского комитета РКП(б), датированное 23 октября 1920 г. По результатам обсуждения доклада о деятельности Иркутской губчека на заседании было вынесено постановление о расширении чрезвычайных полномочий местной ЧК — применении «суровых мер наказаний» вплоть до смертной казни в виде расстрела в отношении участников крестьянских восстаний, белогвардейских банд, лиц, препятствующих реализации продразверстки, членов волостных и сельских революционных комитетов, совершавших преступления как путем действия, так и путем бездействия — не противодействовавших надлежащим образом антисоветским мятежам. В указанном документе подчеркивается, что сотрудники Иркутской губчека получали право применять смертную казнь по установлению факта преступления на месте его совершения, без процедуры следствия и суда¹⁰.

Названные документы наглядно демонстрируют то обстоятельство, что органы губернских ЧК на местах, де-факто находились в подчинении не столько аппарата Всероссийской ЧК, как это принято считать в науке, сколько в распоряжении многочисленных местных органов советской власти, по своему усмотрению определявшие основы их правового положения исходя

из военно-политических условий конкретной территории. Губчека и их уездные аппараты фактически находились в подчинении ВЧК, ее полпредов, исполнительных органов советской власти на местах, командования военных округов, а кроме того, исполняли указания партийных комитетов, отчитываясь перед ними за свою деятельность. Вместе с тем инструкции за 1918 г., принятые с участием сотрудников ВЧК в момент организации ее местных органов, определяли положение, что они создаются и функционируют, напрямую подчиняясь Всероссийской комиссии и выполняя исключительно ее распоряжения и распоряжения исполкомов местных советов¹¹.

К **внутренним документам** относились собственно служебные документы, издаваемые от имени начальствующего состава губернских и уездных комиссий, которые, в свою очередь, также можно классифицировать по некоторым основаниям.

Во-первых, документы по личному составу, раскрывающие еще не так полно изученные историко-юридической наукой вопросы о правовом положении самих чекистов. К ним относятся приказы губчека, которые регламентировали довольно широкий спектр отношений, в том числе трудовой распорядок, условия службы штатных сотрудников. Эти документы наглядно демонстрируют их строгое служебное подчинение руководителям более высоких уровней, широкие полномочия и чрезвычайные методы обеспечения со стороны начальствующего состава служебной дисциплины среди сотрудников различных структурных подразделений местных органов ВЧК. Так, одним из приказов Енисейской губчека от 08.03.1920 всем сотрудникам предписывалось нести военную службу не 20 часов, а 24 часа в сутки, не считаясь со временем. За любую проявленную по службе халатность виновных в этом сотрудников полагалось подвергать аресту до 10 суток, а за более серьезные проступки, в том числе уклонение от службы, направлять в штрафные роты со всеми вытекающими последствиями¹². В Иркутской

⁸ Постановление ВЦИК от 20.01.1919 «Об упразднении уездных ЧК» // Декреты советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 301–302.

⁹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 90–90об.

¹⁰ Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

¹¹ Положение о чрезвычайных комиссиях на местах от 11.06.1918, принятое на Всероссийской конференции чрезвычайной комиссии // Нормативные правовые акты об организации и оперативно-служебной деятельности органов ВЧК: хрестоматия / сост. Е. А. Шаталов. Абакан, 2011. С. 12.

¹² Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

губчека 21 октября 1920 г. был объявлен приказ № 98 начальника, согласно которому любые заявления об отпуске среди сотрудников квалифицировались как саботаж, в связи с чем виновные в этом лица незамедлительно подвергались наказанию в виде ареста¹³. В Томской губчека председатель систематически по различным основаниям подвергал своих сотрудников аресту, о чем свидетельствуют его приказы. Так, с формулировкой «за невнимательное отношение к своим обязанностям» некий комендант Воронцов был подвергнут аресту на семь суток с дальнейшим увольнением из органов¹⁴.

Во-вторых, документы, свидетельствующие о нормотворческой деятельности органов ВЧК в сфере уголовного права. В военных условиях сотрудники ЧК, наделенные широчайшими полномочиями, довольно часто отступали от предписаний декретов, издаваемых высшими органами советской власти. В некоторых случаях это объяснялось и отсутствием связи, в силу чего не всегда удавалось обеспечить значимыми юридическими документами органы власти на местах. Подтверждение этому можно также найти в архивных документах. По словам начальника Особого отдела Енисейской губчека Н. Х. Молчанова, «действительные и злостные враги рабоче-крестьянской власти вскрывались весьма успешно, и если были какие-то шероховатости, то только из-за отсутствия инструкций и указаний из центра»¹⁵.

В таких условиях службы сотрудники ЧК, руководствуясь революционным правосознанием, самостоятельно определяли преступность и наказуемость тех или иных деяний. Показательным в этом отношении является ряд архивных документов. Так, приказом № 26 от 29.09.1920 уполномоченный Иркутской губчека ввел запрет на организацию и проведение азартных игр среди населения Якутского района, при этом самостоятельно определив меру наказания за подобные деяния в виде лишения свободы, конфискации имущества и смертной казни¹⁶. На уровне уездов комиссиями издавались похожие нормативные акты, определявшие различные меры наказания вплоть до

смертной казни за совершение грабежей, за участие в банде и укрывательство ее членов и многое другое.

В Государственном архиве города Минусинска Красноярского края можно обнаружить довольно содержательный в этом отношении документ. В начале 1920 г. на совещании ответственных работников в Минусинском уезде Енисейской губернии с участием председателя местной ЧК Т. И. Мордвинова было принято постановление, наделявшее его ведомство полномочиями по назначению наказаний за преступления антисоветского характера. Всех лиц, чья вина в «контрреволюционных деяниях при Колчаке» была доказана, согласно этому постановлению надлежало осудить и в качестве наказания принудительно отправить на Западный фронт в штрафные роты «для искупления вины кровью» либо по усмотрению начальствующего состава уездной ЧК избрать иные меры принудительной изоляции «вредного элемента»¹⁷.

В-третьих, следственные дела, приговоры, отчетливо характеризующие общие и специфические черты правоприменительной деятельности ЧК. Особый интерес они представляют именно с точки зрения квалификации, назначения наказаний за преступления, которые были подсудны этим органам. В условиях отсутствия в Советской России единого уголовного закона, источников официального толкования уголовно-правовых норм элементы составов преступлений уточнялись именно в ходе практической деятельности. Так, например, обстоит дело с таким составом преступления, как «контрреволюция», объективной стороной которого, как показывают протоколы за 1920 г. Новониколаевской губчека, чаще всего являлась любая форма участия в антисоветских восстаниях, служба в армии Колчака или какая-либо приверженность к его власти, а также «издевательство над сторонниками советской власти», их предательство, участие в белогвардейской организации, «укрывательство под чужой фамилией красноармейца» и даже производство незаконного обыска от имени советской власти и дальнейшее присвоение изъятых вещей

¹³ Государственный архив Иркутской области. Ф. 868. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

¹⁴ Приказ Томской губернской ЧК № 64 от 13.03.1920 // Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 33. Л. 55.

¹⁵ Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

¹⁶ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 216. Оп. 1. Д. 142. Л. 43.

¹⁷ Архив города Минусинска Красноярского края. Ф. 25. Оп. 1. Д. 131. Л. 3.

и т.д.¹⁸ Сотрудники Красноярской губчека в качестве контрреволюционных преступлений признавали еще и «участие в политической банде», «участие в контрреволюционной связи с бандитами»¹⁹.

Практика назначения уголовных наказаний от региона к региону существенно отличалась. Так, за преступления с одинаковой степенью общественной опасности и совершенные при похожих обстоятельствах строгость меры наказания во многом зависела от военного положения в губернии и личного усмотрения сотрудников. Об этом свидетельствует проект Иркутского губернского бюро РКП(б) 1921 г. «О слиянии органов ЧК Иркутской губернии», предложенный начальству Особого отдела 5-й армии, губчека, транспортных ЧК и ревтрибуналам. В этом документе сообщалось: «...отсутствие кодифицированных мер наказания за те или иные преступления, расследуемые ЧК, влечет различные приговоры по совершенно аналогичным во всех отношениях делам, создает у населения случайность судебных приговоров в зависимости от того, в какую ЧК или трибунал дело попало»²⁰.

Подобное утверждение имело под собой некоторые основания. По одному из рассмотренных контрреволюционных дел — «участие в заговоре польских организаций» — Красноярской губчека в отношении арестованных поляков был вынесен обвинительный приговор от 29.08.1920 с назначением наказания в виде лишения свободы в концентрационном лагере²¹. В Новониколаевской губчека за этот же период деятельности сложилась иная практика, когда за любое участие в контрреволюционных организациях, как правило, назначалось наказание в виде смертной казни.

В-четвертых, это краткие ведомственные инструкции, содержащие правовые нормы, регламентировавшие некоторые вопросы досудебного производства. В качестве примера

можно обратиться к архивным фондам Иркутской губчека, где на хранении находится инструкция от 26.12.1920 «О порядке направления в ЧК дел, арестованных по ним вещественных доказательств». Этот акт регламентировал порядок направления протоколов обыска, изъятых вещей, заключения арестованных лиц под стражу в тюрьме²². Инструкция Иркутской губчека от 02.10.1920 «По учету заподозренных, разыскиваемых и арестованных» регулировала вопросы учета находящихся и освобождаемых из-под стражи лиц, составления сопутствующей отчетности и документации, должностные обязанности отдельных сотрудников²³. При этом наиболее принципиальные вопросы уголовного процесса о подсудности дел длительное время оставались нерешенными, периодически уточнялись, в связи с чем на губернском уровне приходилось в ультимативной форме разъяснять подведомственным органам, что ЧК созданы не для того, чтобы расследовать дела о «мелкой» спекуляции, убийствах, кражах, «мелких» преступлениях по должности²⁴. Циркуляром Енисейской губчека от 03.02.1921 ее начальник настаивал, чтобы подобные дела для дальнейшего расследования направлялись в милицию и народные суды, а в комиссию поступали исключительно дела о «вооруженных грабежах» и «бандитских налетах»²⁵.

Подобные документы демонстрируют результаты нормотворческой деятельности сотрудников ЧК в сфере уголовно-процессуального права, с развитием которого было немало проблем у советской власти, особенно на местах. В ходе революции и гражданской войны переосмысление положений законов царской России, выработка правовых норм в более актуальной для новых условий редакции происходила как некоторая реакция на систематически возникавшие внутри- и межведомственные конфликты между ЧК и другими карательными органами по поводу дублирования полномочий

¹⁸ Государственный архив Новосибирской области. Ф-Р. 1137. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

¹⁹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. № 08150; 020926; П — 23485; П — 23408; 23417; П — 22618.

²⁰ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 136. Л. 2–3.

²¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-23485.

²² Государственный архив Иркутской области. Ф. 868. Оп. 1. Д. 4. Л. 62–62об.

²³ Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-145. Оп. 4. Д. 6. Л. 30.

²⁴ Циркуляр Енисейской губчека от 20.12.1920 // Государственный архив Минусинска Красноярского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Л. 115.

²⁵ Государственный архив Минусинска Красноярского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 110. Л. 392.

и иных вытекающих из этого организационно-правовых проблем.

В-пятых, контрольно-надзорная документация, содержащая сведения о нарушениях в деятельности комиссий, проблемах обеспечения революционной законности, имеющая огромное практическое значение, в частности для установления фактов нарушения прав и свобод человека и дальнейшего принятия решений о реабилитации жертв политических репрессий. В основном она представлена отчетами местных отделов юстиции и рабоче-крестьянской инспекции.

Анализ документов дает основание обобщить наиболее часто совершаемые чекистами правонарушения. Во-первых, нарушение общих принципов уголовной политики советской власти. В одном из обращений за 1920 г. заведующего губернским отделом юстиции Красноярского губернского ревкома сообщалось, что губчека выносит обвинительные приговоры с назначением наказания в виде смертной казни, не учитывая возраст подсудимых и тот факт, что большую часть из них составляли крестьяне²⁶. По словам заведующего, только в одном заседании губчека были вынесены приговоры в отношении 16 подсудимых из числа пролетариев, которых далее незамедлительно подвергли расстрелу, тогда как по общему правилу к представителям рабоче-крестьянских слоев населения должны были применяться более мягкие виды наказания. Во-вторых, нарушение сроков содержания под стражей. В Иркутской губернии при проведении сотрудниками РКИ проверок в местах содержания под стражей было установлено, что из 586 человек, арестованных губчека, третья часть находилась под стражей в течение 2–3, а некоторые и 5 месяцев, половине из них не было предъявлено обвинение. Аресты, по словам инспекторов, в

большинстве случаев производились без каких-либо оснований, как правило, по «безответственным» доносам²⁷.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что архивные материалы о деятельности местных органов ВЧК достаточно информативны. Они дают реальную возможность оценить наиболее распространенные проблемы их становления, особенности нормотворческой, карательной деятельности в сфере применения мер принуждения в отдельных административно-территориальных единицах РСФСР, которые повсеместно расходились с положениями законодательных актов, политико-идеологическими требованиями и стандартами высших органов власти Советской Республики. Важно отметить, что подобный фактологический материал может иметь и прикладное значение, в том числе для практики рассмотрения дел о реабилитации жертв политических репрессий правоохранными органами РФ.

При верном методологическом подходе к работе с архивными документами они дают уникальную возможность для научного исследования организационно-правовых проблем становления, деятельности и других органов советской власти, таких как, например, рабоче-крестьянская милиция, ревтрибуналы, в наиболее сложный период российской истории, представляя собой ценное и порой единственное средство ее осмысления.

Повышение объективности исследований деятельности органов ВЧК также возможно через более глубокое понимание юридической природы, взаимодополняемости архивных документов, установление факта их подлинности, выработку методологических приемов, алгоритма работы с ними, где непременно есть свои чрезвычайно важные особенности, требующие отдельных научных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- В. И. Ленин и ВЧК : сборник документов. М., 1987.
Декреты советской власти. Т. 4. М., 1968.
Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. : сборник документов / под ред. Н. М. Полякова. М., 1958.
Мильштейн Н. Я. Правовое регулирование деятельности органов госбезопасности Узбекистана (1921–1932 гг.). Ташкент, 1974.
Чистяков О. И. Проблемы истории государства, права и политических учений : сборник статей. М., 1974.

²⁶ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 16–16об.

²⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4085. Оп. 2. Д. 71. Л. 1.

Шаталов Е. А. Организационно-правовые основы деятельности чрезвычайных комиссий в Восточной Сибири (1920 — февраль 1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.

REFERENCES

- Chistyakov OI. *Problems of the history of the state, law and political teachings*: A collection of articles. Moscow; 1974. (In Russ.).
- Decrees of the Soviet government. Vol. 4. Moscow; 1968. (In Russ.).
- Lenin VI. and the Cheka: A collection of documents. Moscow; 1987. (In Russ.).
- Milstein NYa. *Legal regulation of the activities of the state security agencies of Uzbekistan (1921–1932)*. Tashkent; 1974. (In Russ.).
- Polyakov NM, editor. *From the history of the All-Russian Extraordinary Commission of 1917–1921*: A collection of documents. Moscow; 1958. (In Russ.).
- Shatalov EA. *Organizational and legal foundations of the activities of the extraordinary commissions in Eastern Siberia (1920 — February 1922)*. Cand. Diss. (Law). The author's abstract. Omsk; 2009. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаталов Евгений Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых и социальных наук Сибирского государственного университета геосистем и технологий
д. 10, Плахотного ул., г. Новосибирск, 630108, Российская Федерация
penalize@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Shatalov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal and Social Sciences, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
penalize@rambler.ru

*Материал поступил в редакцию 25 марта 2024 г.
Статья получена после рецензирования 8 мая 2024 г.
Принята к печати 15 июня 2024 г.*

*Received 25.03.2024.
Revised 08.05.2024.
Accepted 15.06.2024.*